

⁴ Ibid. P. 209.

⁵ Ibid. P. 218.

⁶ Ibid. P. 213.

⁷ *Tennison A.* The Defense of Lucknow // *Empire Writing. An Anthology of Colonial Literature, 1870–1918.* Ed. by E. Boehmer. Oxford ; N. Y., 1998. P. 59–63.

⁸ Ibid.

⁹ *Куплинг Р.* Ким. М., 1988. С. 47–48.

¹⁰ *Stevenson R.* The british Novel since the Thirties. L., 1986. P. 146.

¹¹ *Farrell J. G.* The Siege of Krishnapur. L., 1985. P. 150. (Перевод на русский наш.)

¹² Там же. С. 310.

¹³ Там же. С. 311.

Н. В. Новикова

ИМПЕРИЯ, НАЦИЯ, ГРАЖДАНСТВО И БРИТАНСКОЕ СУФРАЖИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Женское движение, которое в начале XX в. в большинстве стран Запада развивалось преимущественно как политическая борьба феминисток за политические права женщин, оказывалось перед необходимостью выразить свое отношение к процессам национального строительства. Они заключались не столько в утверждении модели гражданского национализма как основы функционирования государства, сколько в создании механизма социальной и политической мобилизации общества, формирования его единства для укрепления государства и обеспечения его жизнеспособности. Национальная принадлежность, национальное самосознание и национальная идентичность находились в прямой связи с представлениями о гражданстве и составляли основу политического дискурса эпохи. Важным его элементом было понимание нации-государства как «мужского» пространства, в котором женщинам отводилась лишь роль объектов политики. В своей критике современного государства феминистки, безусловно, отстаивали особую групповую идентичность и развивали особый дискурс,

которые, однако, невозможно отделить от специфического этнонационального контекста. Кампании суфражисток необходимо рассматривать как неотъемлемый элемент истории национального строительства, который и вырастает из национальной культуры, отражает ее коренные характеристики и одновременно определяет, продуцирует характер национального дискурса.

Суфражистское движение в Британии оформилось и развивалось в период, отмеченный в национальной истории как эпоха наивысшего имперского могущества Соединенного королевства Великобритании и Ирландии. Этот факт определяющим образом сказался на характере движения женщин, его идеологии и политических практиках. Подобно другим социально-политическим движениям эпохи, британское женское движение находилось в культурной среде империи и создавало собственную традицию имперской риторики и имперской идеологии. Участницы всего спектра женских движений, боровшиеся за реформирование отдельных сторон жизни общества, стремившиеся утвердить фемининные ценности в культуре викторианцев и эдвардианцев, демонстрировали полную преданность «своему» национальному государству и обнаруживали все признаки имперского менталитета.

Безусловно, ярче всего проявления национализма в женском движении проступали в дискурсе гражданства. Само это слово обретало почти священный смысл в пропаганде суфражисток, но было не менее востребованным и в политической практике активисток других направлений женского движения. Гражданство для них, как и для всех подданных английской короны, означало принадлежность к «нации бриттов», создавших процветающую страну, которая стала лидером цивилизованного мира и очагом конституционализма. Сформулированные еще в середине XIX в. министром по делам колоний Г. Меривейлом критерии «британскости» — «чувство национального достоинства, осознание своего высокого происхождения, твердость в самообороне, взаимопонимание родственных общин, инстинкты доминирующей расы, смутное, но благородное стремление распространить нашу цивилизацию и нашу религию по всему миру»¹, — не потеряли

своей актуальности и в начале нового столетия. Глубоко укорененное чувство превосходства не могли поколебать различные факты, указывающие на довольно консервативный характер политической системы Великобритании. Например, понятие «гражданин» (citizen) практически не использовалось в политическом дискурсе этого времени, уступая термину «подданный» (subject), а в 1918 г. только 60 % мужского населения страны имели политические права, и избирательный закон считался одним из самых ограниченных в Европе². Напротив, эти особенности трактовались как свидетельства традиционализма и устойчивости британского общества, плавно и естественно эволюционирующего в границах либеральной демократии.

Участницы суфражистских кампаний развивали идею гражданства как некоей «награды» или привилегии представителей британской нации, полагающейся им по праву рождения на землях империи и налагающей на них почетную обязанность служить своей Родине в меру сил и возможностей. Политическое равенство женщин осмысливалось ими как утраченное древнее право в нарушение саксонских традиций, на которых основывалась современная британская цивилизация. Э. Петик-Лоуренс, редактор-издательница влиятельного суфражистского еженедельника «Воутс фо уимен», выражала весьма распространенное среди феминисток мнение, когда писала в 1908 г.: «Что, в конце концов, просят британские женщины от британского правительства?.. Ничего более тех конституционных прав, которые должны быть дарованы женщинам, рожденным подданными британской короны... Это и не странное и не новое требование, означающее только восстановление тех древних прав, которые были у них украдены в 1832 г.»³

По мнению суфражисток, «возвращение» женщин в сферу «большой» политики не только обеспечит действительное, полноценное, а не мнимое представительство нации в общеимперском парламенте, но и вернет, таким образом, развитие британской цивилизации на путь прогресса. Не менее важным и часто повторяемым аргументом была идея о благополучии и процветании Империи, судьба которой зависит от грамотного управления

и соблюдения баланса интересов всех групп общества. Признание политической элитой ценности вклада женщин в развитие экономики и поддержание культуры Британии будет способствовать укреплению силы и могущества страны, утверждали феминистские газеты. Председательница Национального союза женских суфражистских обществ М. Фосетт использовала печатный орган своего объединения «Коммон Коз» для выражения искреннего убеждения: «Мы не желаем быть плохим подобием мужчин, мы не отвергаем и не умаляем различий между мужчиной и женщиной. Стремление женщин иметь представительство в парламенте является следствием существования таких различий. Женщины могут принести на службу государству нечто отличное от того, что способны дать мужчины»⁴.

Сторонницы М. Фосетт, которые позиционировали себя как «законопослушные» суфражистки, старательно следовали общепринятым «конституционным» нормам и правилам политической игры, пытаясь развеять устойчивые стереотипы о природной неспособности женщин к рассудочной деятельности. Они составляли петиции в парламент, заключали соглашения с влиятельными политиками и организовывали избирательные кампании в округах, собирая значительные по тем временам денежные средства на многочисленных ярмарках и благотворительных акциях.

Участницы другого крыла суфражистского движения, сгруппировавшиеся вокруг Женского социально-политического союза, настаивали на необходимости использования иной стратегии и тактики – целью становилось не сотрудничество с членами парламента и правительством, а противостояние и сопротивление этим силам, демонстративное нарушение закона и дискредитация существующего порядка. Избрание «воинственных» методов как средств воздействия — обструкции, организации массовых демонстраций и депутатий к министрам, — лидеры Женского союза Эммелин и Кристабель Панкхерст оправдывали указанием на то, что женщины пользуются лишь теми приемами политической борьбы, которые «приняты» в Британии: «Не мы придумали эту тактику. Более 35 лет тому назад весьма успешно применял ее

Парнелл в своей борьбе за Гомруль. Эта тактика заставила Гладстона внести в палату правительственный билль о Гомруле. В самое последнее время та же тактика привела к тому, что палата общин приняла соответствующий билль»⁵. Негативную реакцию на применение суфражетками⁶ подобной тактики Э. Панкхерст объясняла существованием в обществе двойного стандарта половой морали, который, по ее мнению, не может служить препятствием для осуществления законных прав женщин: «У нас в Англии постоянно практикуются на собраниях замечания и возгласы со стороны присутствующих. Но то, что признается правом мужчин, вызывает возмущение, когда это делают женщины. Министры резко отзывались о нас, а их сторонники силой выбрасывали нас за дверь»⁷.

Поскольку политики отказывались видеть в суфражетках равноправных партнеров, расценивая феминистскую кампанию как «курьезный эпизод в истории народной агитации»⁸, сторонницы Женского союза вынуждены были все шире использовать неязыковые формы коммуникации. Переход к «символическим манифестациям» сопровождался постоянными указаниями на вынужденный характер этих действий. Например, организованный Женским союзом в июне 1908 г. грандиозный 500-тысячный митинг в Гайд-парке стал ответом на «вызов» министра внутренних дел Г. Гладстона, «заявившего о том, что “сила принадлежит массам” и что эта сила может воздействовать на правительство»⁹. А «символическое насилие», выражавшееся в уничтожении собственности, битье стекол и поджогах почтовых ящиков, представлено в текстах милитанток не только как «освященное временем», «добросовестное выражение англичанами своего политического настроения и убеждений»¹⁰, но в первую очередь как ответ на «предательство правительства», игнорирующего требования суфражистов.

Единственным местом, где осуществлялся открытый прямой диалог милитанток и политиков, был зал судебных заседаний. Речи обвинителей, защитников, свидетелей и суфражеток, привлеченных к ответственности, составляли специфический дискурс,

в котором женщины находили возможности для проявления инициативы. Уверенность им придавала удачно избранная речевая стратегия, заключавшаяся в постоянной апелляции к британской традиции радикального протеста времен Р. Кобдена и Дж. Брайта. «Во всем, что суфражистки делали, во всем, что они когда-либо смогут сделать, они лишь идут по стопам мужчин, находящихся ныне в парламенте», — заявляла в ходе своей защиты К. Панкхерст¹¹. Другим важным элементом риторики суфражеток была опора на традиционные викторианские образы женственности, акцент на специфически женские качества и социальные функции. Обращение женщин к насилию представлялось как чрезвычайная мера, продиктованная исключительно силой обстоятельств. При этом «символическое насилие» женщин противопоставлялось кровавому насилию мужчин как «метод действий, свойственный женщинам, т. е. не связанный с потерей человеческих жизней и щадящий людей, ибо женщины более заботливо относятся к человеческой жизни, чем мужчины»¹². Виктимизация собственного образа (милитантки изображали себя жертвами политических интриг, коварства и жестокости правительства) способствовала усилению впечатления о приверженности суфражеток ценностям и идеалам британского общества.

В период между Англо-бурской и Первой мировой войнами мощный импульс получили так называемые «империалистические» инициативы женщин, призванные упрочить колониальное могущество страны и способствовать процветанию ее граждан. «Женский империализм» ассоциировался исключительно с исполнением ими материнских функций, как в практическом смысле обеспечения роста населения расширяющейся империи, так и в символическом смысле организации имперского пространства как системы иерархических, но взаимозависимых отношений¹³. Коллективные усилия женщин по распространению ценностей материнства не просто как источника воспроизводства физически полноценного, здорового населения, но и как цивилизующей силы, хранилища духовных традиций нации выражались в деятельности Национального союза женщин работниц, Союза

матерей, Британской женской эмигрантской ассоциации или Лиги Виктории. Последняя образовалась в 1901 г. под влиянием трагических событий – войны в Южной Африке и кончины королевы Виктории. Как подчеркивала президент Лиги М. Джерси, англичанки подчинились «импульсу своей расы» и объединились, ощущая, что «война сплотила Империю как никогда ранее..., а всплеск имперских настроений охватил всех от берега до берега и от моря до моря»¹⁴.

Аналогичных взглядов придерживались и суфражистки, которые понимали начало войны как повод для переосмысления понятия гражданства в отношении женщин. В своей «Краткой истории великого движения», опубликованной в 1912 г., М. Фосетт писала: «Битва за избирательное право в Соединенном Королевстве еще не выиграна, но она значительно продвинулась по пути к победе, и это, по моему мнению, во многом обязано пробужденному чувству национальной ответственности, более глубокому ощущению ценности гражданства, которое было вызвано южно-африканской войной»¹⁵. Эта война, продолжала развивать свою мысль лидер «конституционалисток», предоставила женщинам блестящую возможность продемонстрировать свое соответствие требованиям гражданства и принять на себя часть бремени служения нации в тот момент, когда она более всего нуждается в помощи. И действительно, свои принципы М. Фосетт претворяла в жизнь, выражая полную поддержку действиям правительства и участвуя в работе Женского либерал-юнионистского комитета, который в то время сосредоточился на издании пропагандистских брошюр. В 1901–1902 гг. она возглавила комиссию по изучению положения в южно-африканских концентрационных лагерях, совершила несколько поездок в Южную Африку и в итоге составила отчет, в котором доказывала необходимость сохранения системы концлагерей и приветствовала укрепление позиций Британии в регионе¹⁶.

Свое наиболее полное выражение идея служения женщин интересам нации и империи получила в годы Великой войны. Женский патриотический долг, заключающийся в активной работе на благо общества, воспринимался как аналогия воинской

обязанности. Более того, ожидалось, что женщины Британии будут готовы пойти на личные жертвы ради спасения Отечества. Воззвание Британского союза матерей гласило: «Отдайте ваших сыновей!», а его представительницы заявляли:

«Мужчин [для нужд фронта] высвобождено недостаточно, и это главным образом потому, что недостаточно матерей говорят своим мальчикам то, что сказала недавно одна из них: “Сын мой, я не хочу, чтобы ты уходил, но если бы я была на твоём месте, мне бы следовало уйти”»¹⁷.

Участницы суфражистских кампаний в своем большинстве поддержали правительство, объявившее о вступлении в войну, и в дальнейшем также делали акцент на своей патриотической позиции. В этот период феминистская риторика представляла женщин спасительницами не только британской расы, но целого мира. Очевидно, что патриотическое поведение в условиях войны в представлениях суфражисток являлось единственно возможным для истинных граждан Империи. Тезис о гражданской ответственности в феминистской военной риторике был выдвинут на передний план. «Мужчины! — зывала К. Панкхерст в 1914 г. — Мы считаем гражданство не столько привилегией, правом, сколько долгом, ответственностью»¹⁸, «наша страна принадлежит нам, а не правительству, и мы имеем право и привилегию, так же как и долг служить ей и защищать ее»¹⁹. Умеренные суфражистки также оценивали свое положение и реакцию на начало войны прежде всего в терминах гражданского долга, который состоял в обязанности «помочь... стране и ее союзникам, используя все возможности»²⁰. Отсюда и знаменитый лозунг Национального союза периода первой мировой войны: «Покажем себя достойными гражданства вне зависимости от того, признается это право или нет»²¹. Вся деятельность Союза была построена в соответствии с такими ожидаемыми ролевыми функциями, традиционно возлагаемыми обществом на мать, как рациональное ведение хозяйства, забота о близких и соблюдение (как и ответственность за их воспроизводство) норм морали. В то же время политическая стратегия Женского социально-политического союза в годы Первой мировой

войны строилась как крестовый поход против «прусской Kultur» и священная война в защиту суффражистских идеалов. Благодаря своей неистовой антигерманской пропагандистской кампании, К. Панкхерст оказалась зачислена в ряды непримиримых националистов, а «Сафрэджет», печатный орган Женского социально-политического союза, превратилась в ультра-патриотическую, даже шовинистическую газету.

Типичным примером военной риторики милитанток может служить передовица «Сафрэджет», опубликованная под заголовком «Всеобщая национальная повинность» в конце мая 1915 г., автором которой является К. Панкхерст²². В центре аргументации феминистки находится понятие британского гражданства как «драгоценного» и «величественного» качества. В представлении К. Панкхерст сама идея гражданства приобретает почти священное значение, поскольку она дает людям силу поддерживать мощь государства. В то же время британские женщины, сетует автор, отстранены от деловой, финансовой и политической жизни, и значит, не имеют такой силы. Однако большую опасность для Британии она видит в «германском проникновении в тыл страны». Противопоставление британских граждан и «врагов» усиливается благодаря намекам на возможный саботаж и ссылке на «закон, подписанный германским императором 22 июля 1914 г., который гласит, что немцы, живущие за границей и натурализовавшиеся там, не теряют своей германской национальности»²³. Поэтому наипервейшим долгом британских женщин в настоящей войне К. Панкхерст провозглашает «сохранение [британской] национальной индивидуальности». В утверждении об ответственности «мужчин этой страны» за «такое ужасное состояние дел» можно услышать эхо известной «войны полов». Как видно, текст выдержан в идейных традициях воинствующего суффражизма, а образный язык, категоричные суждения, напряженный эмоциональный заряд, обращение к историческим примерам (здесь — к эпохе Елизаветы II) и претензия выступать от лица всех британских женщин проявляют характерный, «персональный» словесный стиль К. Панкхерст.

В сфере практической политики участницы Женского социально-политического союза охотно включались в работу различных вспомогательных служб, благотворительных обществ, как и умеренные суфражистки, помогали беженцам, заботились об одиноких матерях и детях, защищали интересы неимущих и женщин на производстве. Лидеры милитанток нашли свое место в мастерски спланированной и активно проводимой кампании по вербовке добровольцев на военную службу. Вспомним, что закон об обязательной воинской повинности в Великобритании вышел только в январе 1916 г. До этого момента набор в армию осуществлялся на добровольных началах, так же как и вербовка на промышленные предприятия. С самого начала войны Женский социально-политический союз организовал серию патриотических митингов по всей стране, «чтобы пробудить ответ на воззвание лорда Китченера», главы военного министерства в кабинете Г. Асквита, к добровольцам: «ТЫ нужен твоей стране»²⁴. Талантливые ораторы, Эммелин и Кристабель Панкхерст, Ф. Друммонд и Э. Кенни, на сотнях митингов призывали своих соотечественников вливаться в ряды армии и встать к станкам, дабы помочь правительству собрать все силы для скорейшей победы. Милитантки горячо поддерживали идею о необходимости срочного введения всеобщей трудовой и воинской повинности, что стало лейтмотивом многих публичных выступлений. Так, резолюция одного из собраний заканчивалась словами: «Мы, мужчины и женщины, собравшиеся здесь, подтверждаем нашу преданность великому делу национальной свободы, за которое Великобритания и ее союзники сражаются, и, уверенные, что организованные усилия всех необходимы, чтобы обеспечить скорую и полную победу, просим правительство учредить всеобщую обязательную национальную военную службу для мужчин и женщин»²⁵.

Не дожидаясь решения правительства, милитантки собственными силами организовали перепись, чтобы выявить «резерв женской рабочей силы», а с назначением Д. Ллойд Джорджа министром военной промышленности в августе 1915 г. вышел закон о национальной регистрации. Согласно последнему все мужчины

и женщины в возрасте от 16 до 65 лет должны были зарегистрироваться в местном бюро труда и получить специальный сертификат, который были обязаны постоянно иметь при себе²⁶. Введение такой регистрации не означало учреждения института принудительного труда. Государство лишь получало сведения о потенциале рабочей силы, квалифицированной и необученной. По-прежнему проблему недостатка рабочих рук правительство могло решать, только апеллируя к гражданской совести соотечественников. Поэтому Д. Ллойд Джордж, сначала как министр, а потом и глава правительства, не раз обращался за помощью к Э. Панкхерст, чтобы организовать «большое шествие женщин, подобное тем, которые устраивались в борьбе за избирательное право, шествие, которое бы показало и доказало готовность женщин пойти на военные заводы»²⁷.

Ситуация в промышленности и тред-юнионах всегда оставалась в поле пристального внимания активистов Женского социально-политического союза. Наряду с «про-германцами» и пацифистами мишенью для атак милитанток стали и «британские большевики» — лидер парламентской фракции лейбористов Р. Макдональд и его сторонники, которые открыто высказывали поддержку мирным инициативам российских большевиков, а также «пытались навязать британской промышленности эту раковую опухоль комитетского контроля, которая обратила армию, флот и промышленность России в руины»²⁸. Незадолго до окончания войны Женский союз объявил о начале «антибольшевистской кампании», целью которой было предотвращение забастовок, ведущих к хаосу в промышленности, а также «создание гармонии взамен классовой войны, которую большевики разжигают при подстрекательстве германцев»²⁹. «Страна в опасности!» — гласили плакаты, в которых лаконично, но выразительно отражалась политическая позиция участниц женского движения:

«К женщинам Британии.

Сограждане, мы призываем вас присоединиться к нам в борьбе против про-германизма и большевизма на внутреннем политическом фронте, чтобы предотвратить предательство по отношению

к тем, кто в окопах, и уберечь нашу любимую страну от той трагедии, которая постигла Россию»³⁰.

Очевидно, и политическая позиция, и, соответственно, риторика милитанток значительно отличались от стиля военной кампании Национального союза обществ женского избирательного права. В отличие от умеренных суфражисток, сторонницы Панкхерст не оставили своих активных попыток занять свое место в «другой», публичной общественной сфере.

Действительно, военное положение рассматривалось милитантками как среда для безусловного и естественного воплощения в жизнь проповедуемого ими социального идеала, главные компоненты которого — гармоничные отношения между полами и равное участие мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни. «Пренебрежение» женщинами проблемами внешней политики до начала европейской войны расценивалось ими как ошибка, которой, правда, нашлось оправдание. «Женское внимание было сосредоточено на вопросе, фундаментальном и для мужчин в мирное время, — достижении политических прав», поэтому «даже милитантки (курсив мой. — Н. Н.) в определенной степени соблюдали старую традицию оставлять на рассмотрение мужчин вопросы национальной обороны и внешней политики». Как авангард женского движения, милитантки с началом войны дали обещание «никогда больше, ни на один момент, не отвлекать свое внимание от этих проблем»³¹. В итоге Женский социально-политический союз на страницах своей газеты развернул кампанию по критике военной стратегии правительства и верховного командования, а лидеры организации пытались влиять на политику, используя методы народной дипломатии. В частности, Кристабель и Эммелин Панкхерст, Э. Кенни совершили не одно турне по Соединенным Штатам Америки, Канаде и Австралии, выступая на вербовочных митингах и собирая средства в пользу Антанты. В середине 1917 г. Э. Панкхерст отправилась в охваченную революцией Россию с «патриотической миссией», чтобы «разъяснить русским людям мнение британских патриотов, преданных своей нации и делу союзников, по вопросу о войне и условиях мира»

и таким образом склонить общественное мнение России в пользу продолжения военных действий до полной победы³².

В целом изучение документального наследия представительниц женского движения Британии показывает, что имперский мотив постоянно присутствовал и в феминистской риторике, и в аргументации сторонниц иных политических стратегий. В частности, суфражистки и антисуфражистки доказывали необходимость признания женских прав в организации жизни сообщества не только важностью воплощения принципов социальной справедливости. И те, и другие считали женскую эмансипацию олицетворением национального интереса Британии, критерием ее цивилизованности и правильности ее исторического пути. Участницы общественных реформаторских движений ни в коей мере не противопоставляли себя доминирующей имперской культуре, но упорно подчеркивали свое генетическое родство с ней и зависимость от этого «величественного наследия», накопленного поколениями британцев, показывали свою решимость взять полную ответственность за выполнение всех функций, которые накладывает на них общество, и гордились своей причастностью к выполнению Британией общемировой цивилизаторской миссии.

---

¹ Цит. по: *Hall C. Of Gender and Empire: Reflections on the Nineteenth Century* / P. Levine (ed.) *Gender and Empire*. Oxford : Oxford University Press, 2004. P. 46.

² *Rendall J. Recovering Lost Political Cultures: British Feminisms, 1860–1900* / S. Paletschek and B. Pietrow-Ennker (eds.) *Women's Emancipation Movements in the Nineteenth Century: a European Perspective*. Stanford: Stanford University Press, 2004. P. 37–38.

³ Имеется в виду парламентский закон 1832 г., впервые четко определивший, что избирательным правом обладают лишь лица мужского пола. *Votes for Women*. 16 July 1908. P. 312.

⁴ *The Common Cause*. April 12, 1910. P. 386.

⁵ *Панкхерст Э. Моя жизнь. Записки суфражистки*. Петроград : Изд-во бывш. М. В. Попова, 1915. С. 46.

⁶ «Суфражетками» или «милитантками» называли себя сторонницы воинствующей тактики в суфражистском движении Британии.

⁷ Панкхерст Э. Указ. соч. С. 49–50.

⁸ *Asquith H. H. Memoirs and Reflections. 1852–1927. Vol. 1. Boston, 1928. P. 218.*

⁹ Панкхерст Э. Указ. соч. С. 82.

¹⁰ Там же. С. 85, 86, 151.

¹¹ Там же. С. 92.

¹² Там же. С. 173.

¹³ См.: *Davin A. Imperialism and Motherhood // History Workshop. 1978. № 5. P. 9–65.*

¹⁴ Цит. по: *Bush J. Women Against the Vote. Female Anti-Suffragism in Britain. Oxford : Oxford University Press, 2007. P. 127–128.*

¹⁵ *Fawcett M. Women's Suffrage. A Short History of a Great Movement. London: T. C. & E. C. Jack, 1912. P. 59.*

¹⁶ В своих мемуарах М. Фосетт детально описывает обстоятельства работы комиссии, посвятив этому сюжету целую главу: *Fawcett M. What I Remember. L. : Adelphi Terrace, 1924.*

¹⁷ Цит. по: *Gullace N. F. "The Blood of Our Sons". Men, Women, and the Renegotiation of British Citizenship During the Great War. L. : Palgrave Macmillan, 2002. P. 55–56.*

¹⁸ *Pankhurst C. America and the War. [London], 1914. P. 17.*

¹⁹ *Pankhurst C. Unshackled: the Story of How We Won the Vote. L., 1959. P. 288.*

²⁰ *Fawcett M. G. The Women's Victory and After. Personal Reminiscences, 1911–1918. L. : Sidgwick & Jackson, 1920. P. 87.*

²¹ *The Common Cause. August 7, 1914. P. 376.*

²² См.: *The Suffragette. May 28, 1915. P. 102.*

²³ *Ibid.*

²⁴ *April 16, 1915. P. 12.*

²⁵ *The Suffragette. June 11, 1915. P. 137.*

²⁶ См.: *Thomas G. Life on all fronts: Women in the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 8.*

²⁷ *Pankhurst C. Unshackled... P. 290.*

²⁸ *Britannia. June 14, 1918. P. 490.*

²⁹ *Ibidem.*

³⁰ *Britannia. February 22, 1918. Front page.*

³¹ *The Suffragette. April 16, 1915. P. 6.*

³² *Britannia. June 6, 1917. P. 3.*